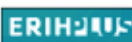
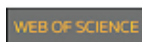

Кислова Л. С. «Жизнь других»: феномен симулятивной реальности в современной популярной литературе / Л. С. Кислова, Т. Н. Рацен // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 5. — С. 336—361. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-336-361.

Kislova, L. S., Ratsen, T. N. (2022). “Lives of Others”: Phenomenon of Simulated Reality in Contemporary Popular Literature. *Nauchnyi dialog*, 11(5): 336-361. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-336-361. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-336-361

«Жизнь других»: феномен симулятивной реальности в современной популярной литературе

Кислова Лариса Сергеевна
orcid.org/0000-0003-2449-516X
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра русской
и зарубежной литературы
l.s.kislova@utmn.ru

Рацен Татьяна Николаевна
orcid.org/0000-0002-6552-7503
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра русского языка
и общего языкознания
t.n.racen@utmn.ru

Тюменский
государственный университет
(Тюмень, Россия)

“Lives of Others”: Phenomenon of Simulated Reality in Contemporary Popular Literature

Larisa S. Kislova
orcid.org/0000-0003-2449-516X
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian
and Foreign Literature
l.s.kislova@utmn.ru

Tatyana N. Ratsen
orcid.org/0000-0002-6552-7503
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian Language
and General Linguistics
t.n.racen@utmn.ru

University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

© Кислова Л. С., Рацен Т. Н., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируется корпус современных русских и зарубежных популярных текстов, в которых рассматривается симулятивное пространство и поднимается вопрос о симулятивной реальности как проявлении эскапизма. Теоретическую основу работы составили труды М. А. Черняк, М. А. Литовской, Н. А. Купиной, В. И. Мильдона и других исследователей, посвященные исследованию популярной литературы в различных аспектах. Актуальность исследования обусловлена тем, что сегодня корпус подобных текстов является перспективным социальным проектом, претендующим на одну из доминантных позиций в современном культурном контексте. Отражен опыт многолетней работы авторов статьи в области современной массовой культуры. Новизна исследования заключается в том, что впервые рассматривается природа такого явления, как феномен симулятивной эмиграции в современной популярной литературе. Показано, что произведения о путешествиях воссоздают национальную картину мира, транслируют национальную специфику и знакомят читателя с особенностями жизни человека в ином географическом пространстве. Отмечается, что массовый текст призван погружать реципиента в состояние эскапизма, заставляя осваивать в том числе и ментально чужую реальность. Утверждается, что популярные тексты о путешествиях создают, как правило, более насыщенную событиями действительность.

Ключевые слова:

геопозитическая парадигма; локальное пространство; мифологизм; популярная литература; симулякр; травелог; утопическое сознание; эскапизм.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The corpus of modern Russian and foreign popular texts is analyzed, in which the simulative space is considered and the question of simulative reality as a manifestation of escapism is raised. The theoretical basis of the work was the works of M. A. Chernyak, M. A. Litovskaya, N. A. Kupina, V. I. Mildon and other researchers devoted to popular literature in the broadest aspect. The relevance of the study is due to the fact that today the corpus of such texts is a promising social project that claims to be one of the dominant positions in the modern cultural context. The experience of many years of work of the authors in the field of modern mass culture is reflected in the article. The novelty of the study lies in the fact that for the first time the nature of such a phenomenon as the phenomenon of simulated emigration in modern popular literature is considered. It is shown that works about travels recreate the national picture of the world, broadcast national specifics and acquaint the reader with the peculiarities of human life in a different geographical space. It is noted that the mass text is designed to immerse the recipient in a state of escapism, forcing them to master, among other things, a mentally alien reality. It is argued that popular travel texts tend to create a more eventful reality.

Key words:

geopoetic paradigm; local space; mythologism; popular literature; simulacrum; travelogue; utopian consciousness; escapism.

«Жизнь других»: феномен симулятивной реальности в современной популярной литературе

© Кислова Л. С., Рацен Т. Н., 2022

1. Введение = Introduction

В современной русской и зарубежной популярной литературе наблюдается стремление к изображению экзотического пространства, обладающего мифологической природой, что способствует созданию специфической геоэстетической парадигмы. Сегодня симулятивная реальность принадлежит именно популярной литературе, поскольку она способна перенести читателя из рутинной действительности в другой мир, где сбываются даже самые необычные мечты. Ключевым мотивом является стремление героев уйти в мир грез и иллюзий и погрузиться в то симулятивное пространство, которое позволяет испытать уникальное ощущение свободы от стереотипов. Герои популярной литературы, определенным образом гендерно окрашенной, выбирают для погружения страны далекие, иноположные, жизнь в которых значительно отличается от жизни в собственной стране.

В данной статье на основе типологического подхода анализируется корпус современных русских и зарубежных популярных текстов, в центре которых находится феномен симулятивного пространства. Теоретическую и методологическую основу работы составили труды М. А. Черняк, М. А. Литовской, Н. А. Купиной, Н. А. Николиной, В. В. Абашева, В. И. Мильдона и других исследователей, посвященные популярной литературе, геоэстетике, а также активному включению в массовую культуру утопических проектов. В настоящей работе впервые подвергается всестороннему анализу феномен симулятивной эмиграции в современной популярной литературе, что и обуславливает новизну исследования. Отметим, что художественные произведения о путешествиях воссоздают национальную картину мира, транслируют национальную специфику, а также знакомят читателей с особенностями жизни людей в определенном урбанистическом ландшафте.

Популярные книги о путешествиях и путешественниках создают, как правило, более насыщенную событиями действительность. Здесь массовый текст призван погружать реципиента в состояние эскапизма, заставляя осваивать, в числе прочего, и ментально чужую реальность и интегрироваться в новую более превалянтную культуру.

Таким образом, популярная литература такого рода является перспективным социальным проектом, претендующим на одну из доминантных

позиций в современном культурном контексте, что и обуславливает актуальность исследования.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Симуляцию искусства в эпоху постмодернизма отмечал еще Ж. Бодрийяр, утверждавший, что человечество постоянно находится в мире воссоздания фантазий и мечтаний о явлениях и предметах, так или иначе присутствующих в реальности. И задача людей эпохи постмодернизма воспроизвести идеальные явления, значительно отличающиеся от реальных. Симулятивность культуры постмодерна выстраивается вокруг центрального определения симулякра, наследия античной культуры. Симулякрум в трудах Платона — не что иное, как подобие копий, имеющее невысокий социальный статус. Рассматривая теорию Платона, Е. М. Курмелева и Л. Ю. Мещерякова отмечают, что «симулякр является отражением не подлинника-идеи, а всего лишь отражением отражения, он копирует вещь, которая сама есть вещь» [Курмелева и др., 2006, с. 31]. Сегодня *симулякрум* (от лат. *simulare* — подражать, изображать, принимать вид, притворяться) трактуется как «образ отсутствующей действительности, правдоподобное подобие, лишенное подлинника, поверхностный, гиперреалистический объект, за которым не стоит какая-либо реальность. Это пустая форма, самореференциальный знак, артефакт, основанный лишь на собственной реальности» [Маньковская, 1998, с. 211].

Идею симулякра и теорию симуляции последовательно развивали исследователи теории постмодерна Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, Ж. Деррида. Ж. Делез настаивает на том, что «все стало симулякрум. Но под симулякрум мы должны иметь в виду не простую имитацию, а, скорее, действие, в силу которого сама идея образца или особой позиции опровергается, отвергается. Симулякр — инстанция, включающая в себя различие двух расходящихся рядов, которыми он играет, устраняя любое подобие, чтобы с этого момента нельзя было указать на существование оригинала или копии» [Делез, 1998, с. 33]. Таким образом, в концепции Ж. Делеза симулякр воспринимается как «изображение, лишенное сходства; образ, лишенный подобия» [Делез, 2011]. Симулякр определяется как фрагмент, замещающий реальность вымыслом с помощью симуляции и снимающий противостояние реального и идеального, иными словами, симулякр — образ, не имеющий подобия. Ж. Бодрийяр утверждает, что «принцип симуляции правит нами сегодня вместо прежнего принципа реальности, целевые установки исчезли, теперь нас порождают модели. Больше нет идеологии, остались одни симулякры» [Бодрийяр, 2021, с. 112]. Таким образом, с теорией симулятивной реальности Ж. Бодрийяра связано внедрение термина

симулякр в контекст современной культуры, поскольку истинность симулякров уже не вызывает сомнений в современном постмодернистском пространстве, культурном и социальном.

В эпоху постмодернизма окружающий мир воспринимается лишь сквозь призму симуляции. В настоящее время современные исследователи: А. Н. Асташева, О. В. Богданова, И. И. Булычев, Н. И. Григорьева, В. И. Демченко, В. А. Емелин, С. Зенкин, Д. В. Иванов, А. Н. Кирюшин, Н. Ю. Кликушина, П. Козловский, С. А. Кравченко, Е. М. Курмелева, М. Липовецкий, Н. Б. Маньковская, Л. Ю. Мещерякова, Г. С. Пшегусова, И. С. Рукавишникова, Е. А. Савельева и др. [Кирюшин и др., 2012; Коновалова, 2009 и мн. др.] — продолжают активно разрабатывать теорию симулятивности. Так, А. Н. Кирюшин и А. Н. Асташова в работе «Идея симулякра в понимании виртуального: от Платона к постмодернизму», рассматривая концепцию Ж. Бодрийера и анализируя стратегию Ж. Делеза, отмечают, что «исчезла грань между реальностью и симуляцией. Мир и вместе с ним человек — постепенно лишаются принципа реальности, которая больше не переживается, а лишь симулируется. И мы имеем дело уже не столько с вещами и их однозначными функциями, сколько с настоящими функциональными симулякрами. Усиливается отчуждение человека, вещи заменяют конкретные межличностные и социальные отношения. Так, вещь перестает быть просто способом решения определенной практической проблемы, она вполне способна разрешить и некий психологический, более того, социальный конфликт» [Кирюшин и др., 2012].

В исследовании О. А. Коноваловой «Симулятивизация реальности в эпоху постмодерна» симулятивность рассматривается в коммуникативных процессах: «Среди различных процессов и деятельностных сфер в наибольшей степени процессу симулятивизации подверглась коммуникация <...> Поэтому процесс симулятивизации, ядром которого является отчуждение знака от референтной реальности, в первую очередь затронул именно коммуникативную сферу, именно в ней проявился наиболее ярко и рельефно. Это имело следствием то, что симулятивизированная коммуникация фактически перестала выполнять свою основную функцию (передачу информации, отражающей реальную действительность) и была включена в процесс создания симулякров, определяющих реальность современной культуры» [Коновалова, 2009, с. 74].

О симуляции в визуальных искусствах, о создании новых путей рефлексного поведения, о деформации сущностных характерных ценностей в человеческих отношениях рассуждает в своем исследовании «Симулятивность культуры постмодерна» и И. С. Рукавишникова [Рукавишникова, 2011].

Таким образом, симулятивная реальность становится более реальной, нежели реальность объективная. В результате замены действительности симулятивным контекстом, соблазнения и оболванивания общества симулятивными образами у каждого человека возникает возможность воссоздавать личностную реальность и жить по вымышленным законам.

В современном литературном процессе граница между элитарной и массовой литературой продолжает размываться. В статье Л. Фидлера «Пересекайте границы, засыпайте рвы!» (1969) была определена концепция западной и впоследствии отечественной (не только постмодернистской) литературы: «Литература, претендовавшая на эпитет “modern”, “современная”, “новая” <...>, победоносное шествие которой началось незадолго до первой мировой войны и завершилось вскоре после окончания второй, — эта литература мертва, иными словами, она принадлежит истории, а не реальности» [Фидлер, 1993, с. 9]. Л. Фидлер отмечал наличие плюрализма в текстах постмодернистской литературы, основываясь на синтезе элитарного и массового начал. В результате принцип симулятивности выходит за границу постмодернистской культуры и встраивается в пространство культуры массовой. В результате под воздействием культуры симулякров стираются границы между массовым и элитарным искусством, между нормой и безумием, между упорядоченностью и хаосом, реальностью и идеалом.

Массовая литература сегодня продолжает отстаивать тривиальные ценности и оперировать элементарными нравственными установками, а законы жизни переходят в художественную плоскость. Популярная литература воспроизводит ряд общих утопических концепций, претендующих на универсальность, связанную с персонификацией добра и зла, разрешением стандартных конфликтных ситуаций: «Массовая литература несет комплекс социокультурных ценностей, соответствующих уровню потребностей и вкусу массового потребителя <...>. Ощущение комфорта возникает у читателя в результате уверенности в удовлетворении ожиданий. Установка на охват максимально широкой аудитории приводит к тому, что массовая литература непременно воспроизводит ряд неких общих идей. Они должны запечатлеваться таким образом, чтобы претендовать на всеобщность и абсолютность» [Купина и др., 2009, с. 55].

Сегодня и популярная литература освещает темы, чаще встречающиеся в элитарной литературе, и повсеместно репрезентирует рефлексирующего героя, находящегося в мучительных поисках взаимоотношений с окружающим миром: «Если “высокая” гуманитарная художественная культура заинтересована в постановке проблем всех ступеней, то обыденная культура, частью которой является массовая литература, идет по пути упрощения — сведения к готовым формулам, стереотипам, мифам и т. п.» [Там же, с. 56].

Популярной литературе становится тесно в рамках традиционных формул. Герои, а особенно героини популярных текстов стремятся ответить себе на сакральные вопросы о смысле бытия и создать новую жизненную концепцию, зачастую выбирая для этого сложные и даже опасные пути. Таким образом, в популярной литературе зачастую разрушается структурно-смысловая жесткость, жанровая определенность (появление литературы мидл-класса или беллетристики), но сохраняется компенсаторная функция, которая «неизменно приобретает в массовой литературе характер утешения и поддержки» [Там же, с. 58]. С помощью массовой культуры утверждается образная система «национальной идентичности, корпус национальных традиций, через постоянную трансляцию существующих стереотипов и внятное для подготовленного “потребителя” внедрение новых. Во многом, именно благодаря массовой литературе, в обществе складывается единая система идей, образов и представлений» [Там же, с. 57]. Массовая литература по-прежнему остается одним из самых устойчивых художественных направлений: такая черта поэтики, как, например, мотив «путешествия», традиционно присутствует в современных популярных текстах. Так, путешествие на Восток отвечает мечтаниям героев о гармоничном пространстве, поскольку массовая литература «переносит читателя из монотонной обыденности в другой мир, где все развивается в соответствии с мечтами» [Там же]. В русской и русскоязычной популярной литературе последних лет появляется своеобразный экзотический контекст. Восточный миф становится чрезвычайно значимым в российском массовом дискурсе. Особенно востребованы читателями произведения, в которых события разворачиваются в незнакомом пространстве. Центральной задачей автора книг о путешествиях становится формирование у читателя восприятия чужого пространства и, как следствие, осознания своего: «Есть предположение, что само существование и непреходящая популярность травелогов — в формировании жизненно важного опыта у читателей и осмысление полученного опыта — у авторов» [Тузова-Щёкина, 2016, с. 203].

Таким образом, перемещение героя в географическом пространстве не только способствует репрезентации в тексте чужого мира, но и позволяет демонстрировать новый взгляд на собственный мир персонажа: «Оформившаяся стратегия движения актуализирует не только дихотомию “свое — чужое”, но и идею границы как линии соприкосновения маргинальных миров. С развитием литературы рассказ о путешествии все больше опирается не на идею движения как физического перемещения в пространстве и визуализации ландшафта, погружения в чужую культуру, а переход в качественно иное эго-состояние» [Львова, 2016, с. 40].

Хрупкое очарование Азии традиционно привлекает читателя, поскольку для такой литературы характерен эскапизм, погружение в спокойную и гармоничную жизнь: «Внимание к изучению образов географического пространства в культуре неуклонно нарастает, начиная с 1990-х годов. В этом проблемном поле сегодня встречаются и взаимодействуют разные дисциплины и соответствующие им дискурсы: филология, культурология, география, социология, политология» [Абашев, 2006]. Тексты, объективирующие географические и культурные объекты, становятся предметом исследования геопоэтики. По мысли В. В. Абашева «геопоэтика — раздел поэтики, имеющий своим предметом как образы географического пространства в индивидуальном творчестве, так и локальные тексты (или сверткесты), формирующиеся в национальной культуре как результат освоения отдельных мест, регионов географического пространства и концептуализации их образов» [Там же]. Локальные образы сегодня доминируют в популярной литературе, способствуя созданию синтеза реального и симулятивного, а сплав локального и символического формирует «сам момент взаимодействия и единства земного (гео) и организующей его культурной формы (поэтика)» [Там же].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Симулятивная реальность в произведениях Эльчина Сафарли

Дебютный роман азербайджанского автора, пишущего на русском языке, Эльчина Сафарли «Сладкая соль Босфора» впоследствии повлек за собой возникновение значительной волны текстов, посвященных жизни на Востоке. Рафинированная проза Э. Сафарли обладает притягательностью, утонченностью и воспринимается как нездешняя сказка, в которой реальность поглощена мечтой и иллюзией. Романы Э. Сафарли неизменно становятся бестселлерами в России, поскольку позволяют «прочитать» многоликий мир Востока: «Восточные люди мечтают о Западе. Западные люди стремятся на Восток. Вечная взаимосвязь. Была и будет. Каждый сам делает свой выбор. Выбор с целью обретения внутреннего счастья» [Сафарли, 2008, с. 258].

Аутентичный ритм жизни Востока в произведениях Э. Сафарли противопоставлен пассионарному образу жизни в западном пространстве. Восток с его неизменной загадкой представляется человеку с Севера пространством, где не столь значимыми становятся невзгоды и происходит погружение в иллюзии. Герои Э. Сафарли («Сладкая соль Босфора», «Туда без обратно», «Я вернусь ...», «Любовь со дна Босфора», «Мне тебя обещали», «Там, где должна быть ...», «... Нет воспоминаний без тебя», «Если бы ты знал ...», «Рецепты счастья», «Когда я без тебя» «Я хочу домой», «Расскажи мне о море». «Когда я вернусь, будь дома», «Дом, в котором

горит свет» «Двенадцать») переживают тяжелые личные драмы и, как правило, возрождаются к жизни именно в локальном пространстве Востока.

В атмосферных романах Э. Сафарли «Сладкая соль Босфора», «Я вернусь...», «Туда без обратно» Стамбул представлен городом мифов, и герои, с которыми встречается автор-персонаж, становятся частью мифа о Стамбуле, поскольку их реальные истории — это не что иное, как мифологические сюжеты. Создавая свой авторский миф о «городе-душе», автор объективирует в романе локальные мифы о близнецах (герой и Босфор), о немой принцессе (Гюльбен), о потерянном рае (отъезд из Стамбула), о возвращении блудного сына (переезд в Стамбул). Таким образом, обретение своего города становится для художника творческим процессом («... Есть места, где ты близок к Богу» [Сафарали, 2008 с. 31]. Героев стамбульских текстов Э. Сафарли объединяет надежда на мифическое будущее, возможное только в Стамбуле: «Есть города, поглощающие тебя целиком. <...> Стамбул именно такой город. <...> Если Стамбул принял тебя в свои объятия, то навсегда. К нему быстро привязываешься. <...> Стамбул не отпускает тебя, ты не отпускаешь Стамбул» [Там же, с. 17—18].

Для героя Стамбул — мистический город, в котором происходят удивительные события, неожиданные встречи. Так, встреча с Арзу, загадочной женщиной в красных туфлях, неприкаянная душа которой появляется в Ортакёе с 1952 года в дождливую погоду, становится для автора-персонажа символом счастья, а впоследствии и личной драмы.

Стамбул словно завораживает повествователя, связывая его судьбу с судьбами других людей: подругой Гюльбен, редактором Шинай-ханым, коллегой Айше, тетушкой Нилюфер. Таким образом, в романе реализуется еще и миф о семье. В Стамбуле героя словно охраняют духи города: «Если верить историям тетушки Нилюфер, прозрачно-облачные тени с синева-серыми глазами до сих пор витают над городом души, облачившись в яркие, разноцветные одеяния» [Там же, с. 62]. Стамбул представлен в романе «Сладкая соль Босфора» как гармоничное и благостное пространство, наполненное запахами и звуками. В романе же «Туда без обратно» объективирован совершенно другой образ города. Алексе, героине романа, нелегальной иммигрантке из России, Стамбул представляется городом боли и страха. Но этот город тем не менее позволяет Алексе привязаться к нему: «В Ортакёе осознаю, как тесно привязана к Стамбулу. Я и Стамбул — как двое близнецов, воссоединившихся после долгой разлуки...» [Сафарли, 2010б, с. 188]. Героиня вновь и вновь возвращается к Босфору, делится с ним своими переживаниями: «Босфор рядом — молчит, иногда вздыхает, посылая к берегу ошетенные волны. Будто шепчет: “Снова поверь в себя”» [Там же, с. 29]. В этом романе на пути Алексы также встречается ясновидящая — женщина

в красных туфлях, предсказывающая будущее. Отметим, что сюжет о женщине в красных туфлях появляется в разных произведениях Э. Сафарли, позволяя объединить их в единое целое. Стамбул, притягательность которого очевидна, в мультикультурных текстах Э. Сафарли представлен таким образом, что успокаивающая реальность Востока заставляет героев погрузиться в истинную жизнь. Между персонажами разных произведений Э. Сафарли возникает символическая связь, и линии судеб героев, переплетаясь, образуют фрагменты причудливого орнамента, позволяющего увидеть истинное лицо «города души». В прозе Эльчина Сафарли любимый Стамбул изображён сквозь призму культурной ментальности человека Востока. Однако этот город в описании западных авторов, возможно, демонстрирует иные грани: «Дихотомия Востока и Запада в русской культуре то расширяется до пределов самой широкой географии, то сужается до субъективной позиции отдельного человека» [Лотман, 2002, с. 748].

3.2. Мотив «путешествия на Восток» в популярной литературе

В российской популярной литературе после выхода первых романов Э. Сафарли появляется целая группа текстов, в которых именно Турция становится для героев страной мечты. И что показательно — это женские тексты, эмоционально насыщенные, в которых присутствует зримая любовная история или яркая детективная интрига. Таким образом, параллельно с атмосферной прозой Э. Сафарли появляются сюжетные тексты современных российских писательниц: Лолы Боковой «Мое тело — Босфор», Ирины Майоровой «Турецкий берег, край любви», Алионы Хилт «Под турецким небом», Яны Темиз «Рай на земле», Елены Михалковой «Жизнь под чужим солнцем», Ольги Карпович «Стамбульский реванш», «Львы умирают в одиночестве», Ларисы Бортниковой «Бабадурское». События в этих текстах разворачиваются в различных уголках Турции: Стамбуле, Анталье, прекрасном Бодруме, который называют «турецким Сен-Тропе», и фешенебельном Мармарисе. Туристическая география этих текстов свидетельствует о поверхностном восприятии ментальности Турции героинями популярной литературы, чья информированность ограничивается общеизвестными туристическими объектами. Девушки из России немного знают о Турции, воспринимая эту страну как исключительно туристическую. В романе Лолы Боковой «Мое тело — Босфор» рассказывается о пребывании героини в современной Турции. Для Даши Турция — это страна любовных метаний, которую героиня воспринимает как оазис жизни, а московская реальность представляется ей лишь симулякром: *Это моя вторая весна в Турции, и моя жизнь теперь делится на «до» и «после»* [Бокова, 2006, с. 7]. Героиня романа Л. Боковой погружается в пространство Турции, поскольку именно в этой стране она получает запас жизненных сил и желание жить дальше: *Сегодня*

я лечу в Стамбул. <...> Мне кажется, я прочитала о нем все, что было написано. Хотя так мне только кажется. Пара статей в Интернете, несколько фото — словно из другого мира, и любовь с первого взгляда. <...> Я стремлюсь к тебе, как ни к кому на этом свете. Мы еще совсем не знакомы. Я придумала тебя с нуля [Там же, с. 36].

Любовь к Востоку позволяет героине обрести те или иные перспективы и формирует, возможно, симулятивную концепцию, утратив которую, героиня, безусловно, утратит и смысл жизни. Таким образом, чужое пространство зачастую способствует созданию ложных смыслов и перспектив. Безумные метания Даши, ее жадные поиски любви — это существование в параллельном мире, вытесняющем живую жизнь: *В моем кабинете на одной стене карта Турции, на другой — большие фотографии Стамбула, которые я сделала во время своей первой поездки. На работе никто ничего не спрашивает у меня, какие бы фотографии ни появились на стене. На подробности меня не раскрутишь, а мое влечение к Востоку и так ни для кого не секрет [Там же, с. 57].*

Роман Алионы Хильт «Под турецким небом», безусловно, менее откровенный текст, но в нем также продемонстрированы попытки героини найти свое место в турецком мире. Лиона (так зовут героиню), встретив в Турции своего возлюбленного, делает все возможное, чтобы стать частью его ментальности: *Я читала турецкие книги, смотрела старые турецкие фильмы, пыталась понять менталитет и сложные для русского восприятия шутки. Я взахлеб слушала <...> об обычаях и традициях, пела при любой возможности турецкие песни <...> Я делала все возможное, чтобы стать турчанкой [Хильт, 2018, с. 112].* В отличие от героини романа «Мое тело — Босфор», которая воспринимает турецкую реальность как вечный праздник, Лиона встраивается в турецкое пространство и не просто видит в турецкой жизни временное спасение, а рассчитывает на будущее в этой стране. Лиона, разочаровавшись в своей любовной истории, возвращается домой, но это возвращение воспринимается ею как поражение: *Уезжая, я точно знала, что вернусь, я чувствовала, что Турция меня просто так не отпустит, слишком сильной была моя к ней любовь <...> Моей душе было уютно у Средиземного моря, там был мой дом [Там же, с. 269—271].*

Мечта о другом заставляет возвращаться в Турцию не только Дашу и Лиону, но и Веру («Рай на земле»), Алексу («Туда без обратно»), Викторину («Стамбульский реванш»). Виктория посетила Турцию еще в студенческие годы. Она *«влюбилась в эту удивительную страну, совмещающую в себе культурные особенности Востока и бешеный ритм запада ...»* [Карпович, 2020, с. 27]. Героини прозы Э. Сафарли, Я. Темиз, А. Хильт, Л. Боковой, О. Карпович ищут под чужим небом свою личную гармонию. Таким обра-

зом, «“Соблазн Другого” всегда обесценивает собственную культуру, которая представляется ненастоящей и несерьезной, как симулякр <...>. Люкримакс есть тяга субъекта к “настоящему” и отрицание им собственной жизни как “неподлинной”. Люкримакс непременно ведет к размножению симулякров: чем сильнее вера в недоступную подлинность Другого, тем чаще явления собственного мира признаются фальшивыми и пустыми» [Эткинд, 2001, с. 9—10]. Внешней причиной выбора персонажей становится стремление обрести любовь всей жизни, которая в финале оказывается лишь суррогатом настоящих чувств, но очарование Востоком не проходит даже после утраты любовных иллюзий. Истинной причиной такой жадности к перемене мест становится возможность выбрать себе новый образ, обрести новую личность, расставшись с прежней навсегда, оставив в прошлом все неудачи и ошибки. Восток и, в частности, Турция соответствуют этим устремлениям.

Роман Эльчина Сафарли «Я вернусь ...» о любви, страсти и разобщенности героев, о противостоянии Востока и Запада, об антитетичности Стамбула и Москвы. Герои Э. Сафарли живут внутри своих ментальных пространств и не всегда способны понять друг друга. Вернувшись в Москву, героиня испытывает острую тоску по Стамбулу: *Я должна вернуться в ту жизнь. Она — моя. Для меня. Я говорю за себя, но слышу в себе голоса целого поколения женщин, которые уезжали на Восток именно за счастьем* [Сафарли, 2010в, с. 270]. Пребывание в Стамбуле становится испытанием для героини романа Э. Сафарли «Туда без обратно» Алексы, но именно Восток, без которого она не представляет свою дальнейшую жизнь, вдохновляет ее и дает ей надежду на светлое будущее: *Твоя страна там, где живет твое сердце. Мое сердце здесь навсегда. Я не ишу пути обратно: Москва — прошлое, Стамбул — настоящее* [Сафарли, 2010а, с. 153]. Но героиня вынуждена уехать из Стамбула, она находит заветное спокойствие в турецкой провинции, поселившись в маленьком домике на востоке Турции: *... Я жива. Не скучаю по Стамбулу, хотя по-прежнему его люблю. Большие всего тоскую по Босфору. Иногда слышу крики босфорских чаек, это никак не объяснить. Наверное, между мной и Босфором сохранилась волшебная связь...* [Сафарли, 2010а, с. 282].

Героиня рассказа Эльчина Сафарли «Угол ее круглого дома» за год словно проживает три жизни. Поликультурная городская агломерация — Москва, Стамбул и Кемер — позволяет героине справиться с её глубокими душевными переживаниями и обрести долгожданную гармонию. Героиня одинока в Москве, но счастлива в Стамбуле: *Стамбул стал нашим городом. В первый же день он пленил наши сердца бархатными закатами, светлым галдежом чаек, перламутровыми водами Босфора, солидными гудками паромов, яркостью весенних тюльпанов. Расположения Стамбула — шум-*

ного мегаполиса почти с пятнадцатимиллионным населением — не надо завоевывать [Сафарли, 2010а, с. 39]. Но, потеряв возлюбленного, героиня уезжает в тихий Кемер для того, чтобы, примирившись с действительностью, научиться жить без дорогого ей человека. Внутренняя метаморфоза происходит внезапно: она не планировала менять место жительства, но переезд в Кемер позволил ей наконец обрести долгожданный покой и уверенность в завтрашнем дне: *Сегодня первая годовщина моего переезда сюда. Я с легкой тоской вспоминаю тот день, когда меня провожал дождливый Стамбул, и ту злодейку луну, катающуюся в иллюминаторе самолета, словно желток в огромной синей миске* [Там же, с. 62]. Виктория («Стамбульский реванш») так же, как и Алекса, на самом деле создает себе новую личность, новую легенду и новую судьбу. Виктория выбирает для жизни Стамбул, не уставая восхищаться его красотой и не представляя себя в другом пространстве: *После пришло время и для Стамбула с его романтическими розовыми закатами, запахом кофе, где заточали строптивых султаны, со знаменитым дворцом Топ Капы, с ароматом кальяна в районе Султан Ахмед и жареных каштанов на улице Истикляль* [Карпович, 2020, с. 28].

Такая абсолютная вера в счастливое будущее на Востоке и стремление обосноваться в этом мире приобретают среди героинь современной популярной литературы характер пандемии. Острое желание вжиться в чужое, такое непохожее локальное пространство, начертить другое будущее — мечта многих героинь современных текстов. Стамбул, вменивший 26 веков, — рукотворное чудо света, чье уникальное географическое положение объясняет присущий ему магнетизм. Топика Стамбула прекрасна и антитетична, поскольку слияние европейской и азиатской культур в одном пространстве создает особую праздничную атмосферу, что способствует более гармоничному включению героев из другого мира в локальное пространство мегаполиса и их ассимиляции. Районы Стамбула: многолюдный Фатих, богемный Бейоглу, креативный Бешикташ, религиозный Эйюп, интеллигентный Кадыкей, аутентичный Ускюдар, роскошный Бебек, фешенебельный Бейкоз — воспринимаются как отдельные города, основанные в разное время и отличные друг от друга. Однако мечты героинь названных произведений в Турции сбываются крайне редко, поскольку чужое пространство зачастую словно выталкивает их, неизбежно наказывая за измену самим себе, поскольку симулятивная эмиграция не может заменить живую жизнь. Стремление раствориться в стране других и стать другой заставляет Лиону (А. Хилт «Под турецким небом») фанатично работать над своим несостоявшимся браком; Дашу (Л. Бокова «Мое тело — Босфор») — искать новых острых ощущений; Викторину (О. Карпович «Стамбульский реванш», «Львы умирают в одиночестве») — совершать необдуманные,

даже безумные поступки; Алексу (Э. Сафарли «Туда без обратно») — забыть о своем прошлом; рассказчика (Э. Сафарли «Сладкая соль Босфора») — решительно поделить свою жизнь на «до» и «после»: *До переезда в город души тонул в хаосе. Сбившийся ритм приводил к депрессиям* [Сафарли, 2008, с. 156]. Таким образом, турецкое пространство становится излюбленным местом реинкарнации героев в современной популярной литературе, поскольку российские читатели рубежа XX—XXI веков, можно предположить, достаточно знают об этой стране и понимают, как может происходить это перевоплощение в условиях современной Турции.

3.3. Симулятивная эмиграция: индийский трек

Индия — еще одна страна, в которую в поисках будущего отправляются героини современной популярной литературы. За тридцать лет до визита в Индостан португальского мореплавателя Васко да Гама Индию в 1468—1474 годах посещает тверской купец Афанасий Никитин и создает первое описание не паломнической, а коммерческой поездки, насыщенное наблюдениями о политическом устройстве, экономике, культуре, обычаях и традициях этой страны. Путевые записки А. Никитина получили название «Хождение за три моря». В 1785 году в Индию отправился русский музыкант Герасим Лебедев, автор многочисленных работ об экономике, культуре, географии Индии, ставший одним из первых русских индологов. Путешествию Лебедева посвящена первая пьеса Э. Радзинского «Мечта моя ... Индия» (1960). Сегодня тексты об Индии вновь становятся востребованными и приобретают популярность. Такие произведения, как романы Марии Арбатовой «Дегустация Индии», Марины Москвиной «Небесные тихоходы», Юлии Монаковой «Подвенечное сари», «Семейное положение — безвыходное», Алионы Хилът «В ритме Болливуда», знакомят отечественного читателя с современной Индией, которая становится для героинь этих текстов своего рода местом силы: *Все турагентства и кинофильмы врут, Индию пересказать нельзя. В этом смысле я тоже вру, потому что могу изложить только свою «психическую правду» об Индии. У вас она все равно будет другая* [Арбатова, 2007, с. 5]. Мария Арбатова в своем травелоге «Дегустация Индии» (2007) описывает индийскую повседневность, поразившую автора-персонажа своей контрастностью. Здесь яркие цвета соседствуют с крахмально-белыми траурными одеждами, пряные ароматы благовоний сливаются с запахом бензина, вульгарная роскошь контрастирует с нищетой. Индия вовлекает в свое пространство туристов, не позволяя им рационально мыслить и словно завораживая их. В тексте М. Арбатова размышляет о статусе индийских женщин, обращаясь к судьбам героинь, отстаивающих свои права: Индиры Ганди, Сони Ганди, Калпаны Датта, Лакшми Сегал, Фулан Деви. В романе «Дегуста-

ция Индии» центральной становится оппозиция «свое — чужое». Героиня понимает, что вряд ли ассимилируется в этом пространстве и никогда не сможет принять Индию полностью, хотя бесконечно очарована ею: *Когда возвращаешься из Индии, понимаешь, как трудно от нее оторваться. Она странная, она безумная, она страшная и смешная. <...> Гуманитарно Индия для меня очень трудная страна, она глуха ко многому тому, что мне важно в жизни ... И в то же время она очень моя* [Там же, с. 413]. Понятие «атмосфера» оказывается доминантой эмоционального фона произведения, а носителями атмосферности в травелоге М. Арбатовой становятся все компоненты поэтики текста, основывающиеся на сенсорных характеристиках и ставшие «способом объединения наблюдений над миром, впечатлений от него» [Шах-Азизова, 1996, с. 136]. В травелоге «Дегустация Индии» ключевым становится мотив погружения. Героиня оказывается в Индии и погружается в совершенно новое для нее пространство, уверенная, что оно давно, хотя и заочно освоено ею: *Не помню страны, в которой бы я ощущала на себе такое количество удивленных и изучающих взглядов. Мне казалось, что я еду «своей». Но «своим» в Индии было не просто другое, а противоположное ... И, презентуя себя «вдохновенной буддисткой», я выглядела здесь вызывающе выглядящей туристкой* [Арбатова, 2007, с. 213]. Индия М. Арбатовой — это прежде всего безграничные ландшафты со своими этнографическими, культурологическими и историческими кодами (пример «геоэтнической» панорамы) [Топоров, 1997, с. 30]. Индийский текст в травелоге М. Арбатовой становится не просто набором пространственных и культурных характеристик, но воплощением жизненного восприятия автора-персонажа, включенного в экзотическое пространство. В тексте Марии Арбатовой образ Индии философски осмыслен и представлен как калейдоскоп ярких и впечатляющих сенсорных образов. При этом героиня М. Арбатовой не готова мириться с тем, что ее не устраивает в этой стране, ей сложно принять недостатки индийского общества: нищету, антисанитарию, многочисленные нарушения правил уличного движения, жесткую сегрегацию женщин, отсутствие личного пространства: *Женщине по Индии трудно просто гулять и смотреть. Каждый шаг превращается в борьбу за частное пространство, за право быть наедине с собой* [Арбатова, 2007, с. 400]. Но пребывание героини М. Арбатовой в Индии — это, по сути, туристическая поездка, а значит, чем глубже героиня погружается в пространство страны, тем сильнее она тянется к «своему»: *О, как мне хотелось к своим! Когда стайка аэрофлотовских стюардесс зацокала каблучками, я отметила, что наши самые элегантные <...> Аэрофлот я осознаю как продолжение России* [Там же, с. 409]. Важно отметить, что Мария Арбатова принадлежит к более взрослому по-

колению, поэтому идея начать новую жизнь в другой стране ее героине не кажется привлекательной. Но в российской популярной литературе появляется группа писательниц (Ю. Монакова, А. Хильт), воспринимающих Индию как страну нескончаемых возможностей для жизни.

Так, героиня романа Юлии Монаковой «Подвенечное сари» (2009), очарованная Индией, выходит замуж и переезжает в страну своей мечты. Героиня мечтает об Индии с детства и ищет возможности «присвоить» это пространство, что ей, безусловно, удастся: *Просто Индия уже настолько стала для меня СВОЕЙ страной, что я, пожалуй, впитала в себя национальную гордость местных жителей* [Монакова, 2009, с. 397]. Героиня романа «Подвенечное сари» восхищена этой страной и отказывается критиковать даже отчетливые недостатки, присутствующие в индийском обществе. Таким образом, автор-персонаж выбирает другую реальность и полностью погружается в чужое пространственное измерение: *Я написала эту книгу именно потому, что захотелось рассказать вам о МОЕЙ Индии. О стране, в которую я влюбилась с первого взгляда, которая стала для меня домом и которая каждый день не перестает меня удивлять...* [Там же, с. 398]. Но каково это столь любимое автором пространство, из текста понять сложно. Героиня включена в индийскую картину мира, она стойко переживает трудности, готова мириться с чужими правилами, при этом не раскрывая своих истинных чувств. Роман Юлии Монаковой не объективирует мифологической природы Индии, глубоких культурных традиций этой страны, он концентрируется на бытовых аспектах индийской жизни. Индия кажется знакомой, известной с детства страной: фильмы, танцы, мода, красавцы-актеры, астрология, ведическая медицина — все эти компоненты индийской парадигмы способствуют развитию стремления к симулятивной эмиграции. Кто же откажется от жизни в прекрасной сказке? *Начать, наверное, надо с того, что Индией я болела с детства, как и многие девчонки моего поколения. Фильмы, музыка, танцы, кухня, национальная одежда — все это заставляло мое сердце учащенно биться еще в восьми-девятилетнем возрасте. Я грустила о том, что не родилась индианкой, заворачивалась в шторы (это было мое сари), рисовала точку на лбу маминой помадой и мечтала выйти замуж за Митхуна Чакроборти ...* [Монакова, 2009, с. 6].

Индия русским сознанием всегда воспринималась как своего рода духовная родина. Превратившись в вечный симулякр, Индия становится мечтой многих девчонок. Героиня Ю. Монаковой, попав в страну своей мечты, словно получает новое рождение и новые возможности. Автор-персонаж воспринимает Индию не так, как героиня М. Арбатовой: то, что так волнует рассказчицу в романе «Дегустация Индии», в частности социальные проблемы в индийском обществе, почти не усложняет жизнь Юле.

В романе Алионы Хильт «В ритме Болливуда» героиня, расставшись со своим возлюбленным, отправляется в Индию без денег и цели. Но именно в Индии она обретает надежду, устраивает свою личную жизнь и готова остаться в этой стране навсегда. С героиней происходит удивительная метаморфоза именно в Индии, стране, в которую она сбегает от проблем: *Времени не существовало, а мой мозг ломался от встречи с другой реальностью. Волшебное место, в котором я наконец-то поняла, что в жизни возможно ВСЕ* [Хильт, 2019, с. 47]. Лиона возвращается в Санкт-Петербург обновленной и самостоятельной, отказавшись от вынужденной симулятивной эмиграции: *Я снова чувствовала себя свободной, хоть и оставила частичку своей души в Мумбае <...>. Я возвращалась в Россию, найдя себя в Индии цельной и уверенной в себе личностью* [Там же, с. 276].

В Индию на поиски ауры покоя и доброжелательности отправляется Люся — героиня повести Ю. Монаковой «Семейное положение — безвыходное», сразу полюбившая эту страну: *Конечно же, это была всего лишь иллюзия. Просто требовалось время, чтобы вновь адаптироваться к привычной среде. Однако после улыбчивых жителей той страны, из которой Люся только что прилетела, после ярких красок, которыми был наполнен тамошний быт, после густого влажного воздуха, насыщенного пряными ароматами, ей было немного странно воспринимать себя снова в России. Её преследовало ощущение, что она здесь в гостях, а не дома. Украшенные сверкающие ёлки, установленные по всему залу аэропорта, только усиливали это ощущение. Новый год казался таким нереальным праздником, таким далёким и чужим, таким ... инородным* [Монакова, 2014, с. 3]. Героиня повести — писательница Людмила Малахова, работающая под псевдонимом Глаша Маланина, едет в Индию для того, чтобы разобраться в себе и написать книгу. Эта страна становится для нее сакральным местом, подарившим ей уверенность в себе и внутреннюю гармонию: *Иногда я спрашиваю себя — что дала мне эта поездка (ну, кроме написанной книги, разумеется)? Невозможно сформулировать, всё на уровне подсознания. Одно знаю точно — это было не зря <...>. Индия постоянно, ежедневно, ежеминутно учит всех, кто сюда приезжает* [Там же, с. 253—254].

Позитивная энергетика индийских городов: Дели, Агры, Мумбаи, Джайпура — создает особую атмосферу и расширяет границы сознания каждой из героинь произведений об Индии. Лиона чувствует себя по-настоящему свободной, увидев Тадж-Махал: *Побывав в Тадж-Махале, я открыла для себя новые краски жизни: яркие, без примесей, переливающиеся друг в друга ... ВСЕ ВОЗМОЖНО. ВСЕ ГРАНИЦЫ У НАС В ГОЛОВЕ <...>. Осознание пришло ко мне именно в тот час, когда солнце ярко освещало мраморную лестницу, ведущую к вырубленному пальмовому саду ...*

[Хильт, 2019, с. 46—47]. Люся, оказавшись в Тадж-Махале, испытывает похожие чувства, ее вселенная вдруг утрачивает границы, и она испытывает непередаваемые ощущения: *Тадж в предрассветной розовой дымке выглядел нереальным, воздушным, как кружевной зефир. Его силуэт словно колебался в воздухе. <...>, он выглядел величественным, волшебным, завораживающим ... Люся с удивлением почувствовала, как по её щекам текут самые натуральные слёзы* [Монакова, 2014, с. 143—144].

Благодаря индийской действительности, взгляд на мир совершенно меняется и у ироничной героини М. Арбатовой, и у наивной Лионы, и у восторженной Люси, и у влюбленной в эту страну Юлии. При этом автор романа «Подвенечное сари» критически отзывается о тексте М. Арбатовой, стремясь вступить с писательницей в дискуссию в то время, как в повести «Семейное положение — безвыходное» Юлия Монакова включает в текст цитаты из «Индийского цикла» Веры Полозковой в качестве эпиграфов к главам, таким образом словно подтверждая духовное единение с автором «Индийского цикла».

Вера Полозкова в «Индийском цикле» (2008) по-своему «дегустировать» Индию, принимая эту страну и погружаясь в многомерное пространство индийского сна: *Чему учит нас Дели, мой свет? / Тому, как могущественны жара, нищета и лень. / И тому, что все распадется на пепел, мел, полиэтилен. / И тому, что все тлен / и все обратится в тлен. / Чему Дели учит меня? / Тому, что бесценные километры я трачу зря, / Заедаю пустотами пустоту, проще говоря, / Еду в Индию, чтобы помнить про этот год / что-нибудь, кроме утра пятого января. / Чему учит нас Индия? Тому, что молчанье речь, / расстояние лучший врач, / Того, чего не имеешь — не потерять, / что имеешь — не уберечь. / Так что обналичь и потрать свою жизнь / до последней старости, / Проживи поскорее прочь* [Полозкова, 2014, с. 37]. В Варанаси у лирической героини создается впечатление, что всё вокруг пропитано пылью и пеплом и даже воды священного Ганга приправлены ароматами бедности и смерти, но город-крематорий на берегу великой реки становится символическим местом, наполненным таинственным смыслом. Каждый, кто побывал в Варанаси, так или иначе узнает все о бессмертии: *Чему учит нас Варанаси, мой свет? / Тому лишь, что жизнь есть сон. / Тому, что всю мощь средства передвижения / заключает в себе клаксон. / Тому, что храмовая мартышка входит в разряд / влиятельнейших персон. / Чему Варанаси учит меня? / Тому, что окажешься на вершине, дойдя до дна. / Тому, что у нас начались последние / а у них еще ветхозаветные времена. / Нелегко придется Тому, Кто родится здесь, / чтоб за все заплатить сполна* [Там же, с. 38].

Лирическая героиня создает авторский миф о волшебной стране. Она воспринимает Индию как инопланетное пространство, с благодарностью

воспринимает возможность бороздить индийский космос. И в то же время вновь возникает очарование великим Тадж-Махалом — местом встречи всех людей на земле: *Над портретом Шивы и Парвати лампа, / чтоб глаз приезжего / отдыхал. / Тадж-Махал был построен, чтобы все расы мира / встречались перед воротами в Тадж-Махал. / <...> / Индия лежит под колесами, словно поверхность Марса, / и остается с тобой честна: / Ничего не забрать отсюда себе на память, как с того / света / или из сна* [Там же, с. 43].

Путешественник, забывший вернуться из страны сна, понимает, что никогда не утратит те незабываемые впечатления, которые он получил в Индии: *Завтра в это время я буду стоять на сцене, / во многих тысячах километров отсюда, / где теперь медленная среда: / Спят собаки между шезлонгами в два ряда, / мертвого краба вылизывает вода, / А там будет мама, Рыжая, / Дзе, наверно, придет туда, / Я взойду и скажу им, как я боялась вернуться, да, / Обнаружить через неделю, как выцветают в тебе / индийские сари, дети, / рассветы, шуточки, города, / как ни остается от них ни камушка, ни следа, — / Только ведь моя Индия из меня не денется никуда. / Моя Индия не закончится никогда* [Там же, с. 53—54].

Индийские впечатления способствуют погружению лирической героини в инопланетное индийское пространство настолько глубоко, что собственное неожиданно становится непривычным и даже чуждым: *Представь себе ужас прожившего месяц в Индии, / мама, / и впервые узревшего снег в аэропорту. / У меня в чемодане песок, на плечах непальская / куртка / и не утешительная ничуть карамель во рту. / Мы вернулись домой, мама, это отнюдь не часто / случается / с заступившими за черту* [Там же, с. 55]. Лирическая героиня боится возвращения, ей представляется, что в этом случае она утратит приобретенные духовные сокровища: *В общем, мы действительно опоздали на самолет. / Ехали в Панаджи — не только я покидала Гоа, / сколько Гоа стал покидать меня. / Вот они, все мои последние рупии, / указатели на английском и хинди / и вся фигня, — / Следующий рейс из Гоа в Москву / будет только через три дня. / Это премиальные три заката здесь / (пару лет московской зимы по курсу / стоит средний такой закат). / Это десять часов на скутере через тропики, / с поворотами наугад. / Это срочный приказ о твоём помиловании, / когда ты вот-вот будешь расстрелян как ренегат. / Вот тебя отпустили, и ты только и повторяешь, / что oh ту / god, / Весь в мурашках от ощущения, как ты ужасно жив, / как неслыханно ты богат* [Там же, с. 52].

В целом локальное пространство Индии воспринимается лирической героиней Веры Полозковой как спасительное. Индия становится для нее местом, где синтез жизни и смерти способствует рождению нового мировосприятия и внутреннего обновления. Лирический цикл Веры Полозко-

вой репрезентирует идиллические взаимоотношения лирического субъекта с другой реальностью, и эта идиллия побуждает к симулятивной эмиграции. Лирическая героиня В. Полозковой вновь и вновь возвращается в Индию, что получает развитие в более позднем цикле «Письма из Гокарны» (2017—2019). Погружение в идею бессмертия и отказ от сиюминутного, суетного, мгновенного становятся основной темой цикла «Письма из Гокарны». Индия дарует новые возможности человеку, она устанавливает связь между мирами живых и мертвых. В лирических сборниках Веры Полозковой люди и боги живут в одном мире и взаимодействуют в едином пространстве.

Таким образом, Индия для авторов современной популярной литературы, как и для их героев, становится симулякром, чему способствует знание Индии на уровне музыки, хореографии, кино и философии, ведической медицины и астрологии, но индийская ментальность по-прежнему остается загадкой, поскольку эта страна мало кому открывается на религиозном уровне. О религиозном аспекте индийской культуры, способствующем включению этой цивилизации в вековой духовный форпост, авторы популярных текстов словно бы и не знают. Лишь Мария Арбатова в своем травелогe «Дегустация Индии» характеризует религиозные принципы индийской жизни, что свидетельствует о ее глубоком погружении в индийскую реальность: *Все верующие индусы перед принятием важного решения уединяются хоть на миг с высшими силами. Для этого не обязательно произносить молитвенные слова, нужно просто установить энергетический мост к богам* [Арбатова, 2007, с. 37].

Пример индуистской религиозной медитации мы встречаем в романе американской писательницы Элизабет Гилберт «Есть, молиться, любить». Героиня посещает Италию, Индию и Индонезию, собирая материал для книги, но главной целью Лиз становится стремление разобраться в себе и найти утешение после утраты личных отношений. В Индии героиня поселяется в ашраме, где погружается в медитацию и достигает долгожданного спокойствия и духовного обновления: *Я уверена, что все религии мира имеют в своем основании общий принцип — стремление найти способ общения с Богом. Человек, стремящийся достичь единства с божественным, на самом деле пытается отстраниться от мирской жизни и приблизиться к жизни вечной <...> И все, что для этого нужно, — некая великая идея, способная перенести его туда. Это должна быть действительно мощная концепция, всеобъемлющая, обладающая магическими свойствами и силой, так как с ее помощью предстоит преодолеть неблизкий путь* [Гилберт, 2008, с. 225]. Героиня Э. Гилберт постоянно живет в ашраме, она не путешествует по стране и видит свою Индию — некий духовный оазис. Занимаясь йогическими практиками, Лиз почти достигает нирваны.

Ее симулятивная эмиграция длится четыре месяца, и, медитируя в последнюю ночь перед отъездом, она понимает, что обретает наконец веру, которую можно обрести лишь в Индии: *Я закрываю глаза, и в голове сама собой рождается мантра. Пользуясь ее слогами, как ступенями, я спускаюсь в центр покоя внутри своего сердца. Добравшись до него, чувствую, как весь мир останавливается <...>. Я сижу и молча удивляюсь всему, что постигла. Я не совершаю молитву. Я сама стала молитвой* [Там же, с. 230]. Но в отличие от Лиз героини, далекие от духовных практик, не могут ощутить подобной внутренней гармонии в Индии. Так, в документальной книге Татьяны Щербины «Антропологические путешествия» героиня не ощущает духовного единения с этой страной, не может ее принять и согласиться с чуждым ей форматом существования: «Легкость бытия заключена и в самой индийской философии: душа бесконечно переселяется из тела в тело — крутится колесо сансары, главное — не портить или улучшить карму, и когда-нибудь достичь нирваны. Или так и перевоплощаться, из века в век. Смерть — это надежда, что следующая твоя жизнь будет лучше» [Щербина, 2019, с. 340]. Индия с ее религией и традициями вызывает у героини Т. Щербины абсолютное отторжение еще на уровне книжного знакомства, и она искренне не понимает, как другие люди, изучая литературу об этой стране, в нее влюбляются. Автор-персонаж осознает, что Индия — симулякр, и предпочитает лично в этом убедиться.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, стремление к эскапизму за счет симулятивной эмиграции в страны, о которых, на первый взгляд, все известно, приобретает в популярной русской и русскоязычной литературе утопический характер. Мечта о жизни в прекрасном белом городе солнца и моря, южном городе, в котором не будет привычных трудностей и неразрешимых проблем, превращается в навязчивую идею для героинь современных популярных текстов. Утопическая идея начинает в этих произведениях немедленно воплощаться в реальность, поскольку утопическое сознание создает проекты, рассчитанные на воплощение: «Утопия — та же магия: благое (вымышленное) место наделяется свойствами, каких нет у окружающего. Только потому, что эти свойства воображаемы, они могут (таково магическое условие) сделаться действительными. Стоит подумать, и мысленное воплотится. Вероятно, этим вызвано то, что грядущее (место, которого нет) наделялось признаками, свойственными теперешней жизни (месту, которое есть). Это место не понималось другим, в нем лишь устранялись дефекты, в соответствии с магической практикой» [Мильдон, 2006, с. 7]. Превратить иллюзию в реальность и погрузиться в новое мифологическое пространство становится

для героинь популярной литературы неизбежным: одни получают новые возможности, для других же ситуация складывается драматично. Основным художественным принципом для такого рода текстов становится попытка погружения автора-персонажа в абсолютно иную, экзотическую, симулятивную реальность, которую, возможно, не получится полностью освоить, но которая не останется чужой и позволит изменить и усовершенствовать личное пространство путешественника: «Путешествие в пространстве — перемещение из точки А в точку Б — связано с путешествием во времени; прибыв в другой пункт, человек меняется духовно <...> Изменения могут оказаться столь серьезными, что вернувшегося обратно человека даже не узнают, как, например, Одиссея, вернувшегося в Итаку после двадцати лет скитаний, — он, безусловно, изменился внешне, но также пережил и серьезную духовную эволюцию» [Головченко, 2017, с. 32—33].

Героини популярной литературы находят в экзотических пространствах то, что им необходимо: эмоции и жизненную энергию в Турции (Л. Бокова «Мое тело — Босфор»; Э. Сафарли «Сладкая соль Босфора», «Туда без обратно», «Я вернусь ...»; О. Карпович «Стамбульский реванш», «Львы умирают в одиночестве»; А. Хильт «Под турецким небом»; Я. Темиз «Рай на земле»; И. Майорова «Турецкий берег — край любви»; Л. Бортникова «Бабадурское»), покой и гармонию в Индии (Э. Гилберт «Есть, молиться, любить»; М. Арбатова «Дегустация Индии»; Ю. Монакова «Подвенечное сари», «Семейное положение — безвыходное»; В. Полозкова «Индийский цикл», «Письма из Гокарны»; А. Хильт «В ритме Болливуда»).

«Новой чертой современной массовой культуры является ее прогрессирующий космополитический характер, связанный с процессами глобализации, стирание национальных различий и, как следствие, — единообразие мотивов, сюжетов, приемов» [Черняк, 2007, с. 11]. Таким образом, в современной русской литературе, как и литературе зарубежной, потребность раствориться в экзотическом мире, обладающем мифологической природой, способствует созданию специфической геопозитической парадигмы, что позволяет симулятивному пространству занять в утопическом сознании героев место рая. Прерогатива создания симулятивной реальности принадлежит именно популярной литературе, поскольку она способна перенести читателя из рутинной обыденности в другой мир, где, возможно, сбываются даже несбыточные мечты.

Источники и принятые сокращения

1. Арбатова М. Дегустация Индии / М. Арбатова. — Москва : Аст, 2007. — 412 с. — ISBN 5-17-040576-6, 5-9713-3550-2, 978-5-9713-3550-4.
2. Бокова Л. Мое тело / Л. Бокова. — Босфор. Москва : Зебра Е, 2006. — 238 с. — ISBN 5-94663-307-4, 985-13-6888-1.

3. Гилберт Э. Есть, молиться, любить / Э. Гилберт ; перевод с английского Ю. Ю. Змеевой. — Москва : РИПОЛ — Классик, 2008. — 368 с. — ISBN 978-5-386-00954-0.
4. Карпович О. Стамбульский реванш / О. Карпович. — Москва : Эксмо, 2020. — 288 с. — ISBN 978-5-04-105860-9.
5. Монакова Ю. В. Подвеченное сари. Русские девушки в объятиях Болливуда / Ю. В. Монакова. — Москва : РИПОЛ-Классик, 2009. — 400 с. — ISBN 978-5-386-01292-2.
6. Монакова Ю. В. Семейное положение — безвыходное / Ю. В. Монакова. — Минск : Букмастер, 2014. — 256 с. — ISBN 978-985-549-800-2.
7. Полозкова В. Индийский цикл / В. Полозкова // Осточерчение. — Москва : Лайв-бук, 2014. — С. 37—55. — ISBN 9785904584443.
8. Сафарли Э. Сладкая соль Босфора / Э. Сафарли. — Москва : АСТ, Астрель, 2008. — 285 с. — ISBN 978-5-17-071076-8.
9. Сафарли Э. Туда без обратно / Э. Сафарли. — Москва : АСТ, Астрель, 2010а. — 285 с. — ISBN 978-5-17-093281-8.
10. Сафарли Э. Угол ее круглого дома / Э. Сафарли // Контурные карты для взрослых [сборник] : сост. Алмат Малатов. — Москва : АСТ, Астрель ; Владимир : ВКТ, 2010б. — С. 9—63. — ISBN 9785170623631.
11. Сафарли Э. Я вернусь... / Э. Сафарли. — Москва : АСТ, Астрель ; Владимир : ВКТ, 2010в. — 279 с. — ISBN 978-5-17-093279-5.
12. Хильт А. Под турецким небом / А. Хильт. — Москва : Эксмо, 2018. — 288 с. — ISBN 978-5-04-096343-0.
13. Хильт А. В ритме Болливуда / А. Хильт. — Москва : Эксмо, 2019. — 288 с. — ISBN 978-5-04-098557-9.

Литература

1. Абашев В. В. Геопоэтический взгляд на историю литературы Урала [Электронный ресурс] / В. В. Абашев // Дом Пастернака. Память Всеволодо-Вильвы, 2006. — Режим доступа : <http://dompasternaka.ru/library/detail.php?id=436> (дата обращения 21.05.2022).
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. — Москва : Рипол-Классик, 2021. — 512 с. — ISBN 978-5-386-13989-6.
4. Головченко И. Ф. Литературное путешествие : проблема жанра / И. Ф. Головченко // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». — 2017. — № 1. — С. 32—38.
5. Делез Ж. Различие и повторение / Ж. Делез. — Санкт-Петербург : Петрополис, 1998. — 384 с. — ISBN 2130455166 ISBN 5-86708-110-9.
6. Делез Ж. Логика смысла / Ж. Делез. — Москва : Академический Проект, 2011. — 472 с. — ISBN 978-5-8291-1251-6.
7. Кирюшин А. Н. Идея симулякра в понимании виртуального : от Платона к Постмодернизму [Электронный ресурс] / А. Н. Кирюшин, А. Н. Астахова // Гуманитарные научные исследования. — 2012. — № 8. — Режим доступа : <https://human.snauka.ru/2012/08/1593> (дата обращения 03.05.2022).
8. Коновалова О. А. Симулятивизация реальности в эпоху постмодерна / О. А. Коновалова. — Тамбов : Грамота, 2009. — С. 74—76.
9. Купина Н. А. Массовая литература сегодня : учебное пособие / Н. А. Купина, М. А. Литовская, Н. А. Николина. — Москва : Флинта, Наука, 2009. — 424 с. — ISBN 978-5-9765-0102-7.

10. Курмелева Е. М. Симулякр и общество в современной социальной теории / Е. М. Курмелева, Л. Ю. Мещерякова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : СОЦИОЛОГИЯ. — 2006. — № 2. — С. 31—46.
11. Лотман Ю. М. Современность между Востоком и Западом / Ю. М. Лотман // История и типология русской культуры. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб., 2002. — С. 744—751. — ISBN 5-210-01527-0.
12. Львова О. В. Рассказ о путешествии : формы литературной рецепции травелога / О. В. Львова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 9 (63). — Ч. 3. — С. 38—40.
13. Маньковская Н. Б. Симулякр / Н. Б. Маньковская // Культурология. XX век : энциклопедия : в 2 т. — Санкт-Петербург : Университетская книга, 1998. — Т. 2. — С. 211. — ISBN 5-7914-0027-6.
14. Мильдон В. И. Санскрит во льдах, или возвращение из Офира : Очерк русской литературной утопии и утопического сознания / В. И. Мильдон. — Москва : РОССПЭН, 2006. — 288 с. — ISBN 5-8243-0743.
15. Рукавишников И. С. Симулятивность культуры постмодерна / И. С. Рукавишников // Magister Dixit. — 2011. — № 3. — С. 61—66.
16. Топоров В. Н. «Гео-этнические» панорамы в аспекте связей истории и культуры (к происхождению и функциям) / В. Н. Топоров // Культура и история. Славянский мир. — Москва : Индрик, 1997. — С. 23—61.
17. Тузова-Щёкина С. М. Современный травелог в поисках «нового» смысла / С. М. Тузова-Щёкина // Художественная литература как культурный ансамбль сборник статей II Международной конференции, посвященной Году Литературы в России. Московский институт телевидения и радиовещания «Останкино». — 2016. — С. 203—206.
18. Черняк М. А. Массовая литература XX века / М. А. Черняк. — Москва : Флинта, Наука, 2007. — 432 с. — ISBN 5-02-034661-1.
19. Щербина Т. Антропологические путешествия / Т. Щербина. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 432 с. — ISBN 978-5-17-110895-3.
20. Шах-Азизова Т. К. Чехов и западноевропейская драма его времени / Т. К. Шах-Азизова. — Москва : Издательство Наука, 1996. — 164 с.
21. Фидлер Л. Пересекайте границы, засыпайте рвы! / Л. Фидлер // Современная западная культурология : самоубийство дискурса. — Москва : [б. и.], 1993. — С. 462—518.
22. Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах / А. Эткинд. — Москва : Новое литературное обозрение, 2001. — 496 с. — ISBN 5-86793-145-5.

Material resources

- Arbatova, M. (2007). *Tasting of India*. Moscow: Ast. 412 p. ISBN 5-17-040576-6, 5-9713-3550-2, 978-5-9713-3550-4. (In Russ.).
- Bokova, L. (2006). *My body. The Bosphorus*. Moscow: Zebra E. 238 p. ISBN 5-94663-307-4, 985-13-6888-1. (In Russ.).
- Gilbert, E. (2008). *Eat, pray, love*. Moscow: RIPOLL — Classic. 368 p. ISBN 978-5-386-00954-0.
- Hilt, A. (2018). *Under the Turkish sky*. Moscow: Eksmo. 288 p. ISBN 978-5-04-096343-0. (In Russ.).
- Hilt, A. (2019). *In the rhythm of Bollywood*. Moscow: Eksmo. 288 p. ISBN 978-5-04-098557-9. (In Russ.).

- Karpovich, O. (2020). *Istanbul revenge*. Moscow: Eksmo. 288 p. ISBN 978-5-04-105860-9. (In Russ.).
- Monakova, Yu. V. (2009). *Wedding sari. Russian girls in the arms of Bollywood*. Moscow: RIPOLL-Classic. 400 p. ISBN 978-5-386-01292-2. (In Russ.).
- Monakova, Yu. V. (2014). *Marital status — hopeless*. Minsk: Bookmaster. 256 p. ISBN 978-985-549-800-2. (In Russ.).
- Polozkova, V. (2014). Indian cycle. In: *The exasperation*. Moscow: Live Book. 37—55. ISBN 9785904584443. (In Russ.).
- Safarli, E. (2008). *Sweet salt of the Bosphorus*. Moscow: AST, Astrel. 285 p. ISBN 978-5-17-071076-8. (In Russ.).
- Safarli, E. (2010a). *There without back*. Moscow: AST, Astrel. 285 p. ISBN 978-5-17-093281-8. (In Russ.).
- Safarli, E. (2010b). The corner of her round house. In: *Contour maps for adults [collection]*. Moscow: AST, Astrel; Vladimir: VKT. 9—63. ISBN 9785170623631. (In Russ.).
- Safarli, E. (2010b). *I'll be back ...* Moscow: AST, Astrel; Vladimir: VKT. 279 p. ISBN 978-5-17-093279-5. (In Russ.).

References

- Abashev, V. V. (2006). Geopoetic view on the history of literature of the Urals. In: *Pasternak's house. Memory of Vsevolod-Vilva*. Available at: <http://dompasternaka.ru/library/detail.php?id=436> (accessed 21.05.2022). (In Russ.).
- Baudrillard, J. (2021). *Symbolic exchange and death*. Moscow: Ripoll-Classic. 512 p. ISBN 978-5-386-13989-6. (In Russ.).
- Chernyak, M. A. (2007). *Mass literature of the XX century*. Moscow: Flint, Nauka. 432 p. ISBN 5-02-034661-1. (In Russ.).
- Deleuze, J. (1998). *Distinction and repetition*. Saint Petersburg: Petropolis. 384 p. ISBN 2130455166 ISBN 5-86708-110-9. (In Russ.).
- Deleuze, Zh. (2011). *Logic of meaning*. Moscow: Academic Project. 472 p. ISBN 978-5-8291-1251-6. (In Russ.).
- Etkind, A. (2001). *Interpretation of travel. Russia and America in travelogues and intertexts*. Moscow: New Literary Review. 496 p. ISBN 5-86793-145-5. (In Russ.).
- Fiedler, L. (1993). Cross the borders, fill up the ditches! In: *Modern Western cultural studies: the suicide of discourse*. Moscow: [b. i.]. 462—518. (In Russ.).
- Golovchenko, I. F. (2017). Literary journey: the problem of genre. *Bulletin of Tver State University. The series "Philology", 1*: 32—38. (In Russ.).
- Kiryushin, A. N., Astashova, A. N. (2012). The idea of a simulacrum in the understanding of the virtual: from Plato to Postmodernism. *Humanitarian scientific research, 8*: Available at: <https://human.snauka.ru/2012/08/1593> (accessed 03.05.2022). (In Russ.).
- Konovalova, O. A. (2009). *Simulativization of reality in the postmodern era*. Tambov: Gramota. 74—76. (In Russ.).
- Kupina, N. A., Litovskaya, M. A., Nikolina, N. A. (2009). *Mass literature today: textbook*. Moscow: Flinta, Nauka. 424 p. ISBN 978-5-9765-0102-7. (In Russ.).
- Kurmeleva, E. M., Meshcheryakova, L. Y. (2006). Simulacrum and society in modern social theory. *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: SOCIOLOGY, 2*: 31—46. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (2002). Modernity between East and West. In: *History and typology of Russian culture*. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb. 744—751. ISBN 5-210-01527-0. (In Russ.).

- Lvova, O. V. (2016). A story about a journey: forms of literary reception of a travelogue. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 9 (63) / 3: 38—40. (In Russ.).
- Mankovskaya, N. B. Simulacrum. In: *Culturology. XX century: Encyclopedia: in 2 volumes*, 2. St. Petersburg: University Book. 211. ISBN 5-7914-0027-6. (In Russ.).
- Mildon, V. I. (2006). *Sanskrit in ice, or the return from Ophir: An essay of Russian literary utopia and utopian consciousness*. Moscow: ROSSPEN. 288 p. ISBN 5-8243-0743. (In Russ.).
- Rukavishnikova, I. S. (2011). Simulativeness of postmodern culture. *Magister Dixit*, 3: 61—66. (In Russ.).
- Shah-Azizova, T. K. (1996). *Chekhov and the Western European drama of his time*. Moscow: Nauka Publishing House. 164 p. (In Russ.).
- Shcherbina, T. (2019). *Anthropological travels*. Moscow: AST Publishing House. 432 p. ISBN 978-5-17-110895-3. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (1997). “Geo-ethnic” panoramas in the aspect of connections of history and culture (to origin and functions). In: *Culture and history. Slavyansky mir*. Moscow: Indrik. 23—61. (In Russ.).
- Tuzova-Shchekina, S. M. (2016). Modern travelogue in search of a “new” meaning. In: *Fiction as a cultural ensemble collection of articles of the II International Conference dedicated to the Year of Literature in Russia. Moscow Institute of Television and Radio Broadcasting “Ostankino”*. 203—206. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 27.03.2022,
одобрена после рецензирования 21.05.2022,
подготовлена к публикации 13.06.2022.